

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О МИРНОМ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ РОССИИ В ВОЙНЕ США ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (1780—1781)

Среди документов, выявленных нами в фондах Архива внешней политики России (АВПР), значительный интерес представляют материалы о попытке мирного посредничества русского правительства для прекращения войны, возникшей в результате восстания английских колоний в Северной Америке. При всей изученности конкретной истории переговоров, завершившихся 3 сентября 1783 г. подписанием мирных договоров между Англией и ее противниками (США, Францией и Испанией), их начальный период и прежде всего роль России на раннем этапе сложной дипломатической борьбы, предшествовавшей открытию переговоров, оставались не вполне ясной.

Известный авторитет по дипломатической истории американской революции С. Ф. Бимис отмечал, что посредничество по существу было направлено против независимости Соединенных Штатов и привело бы к тому, что большая часть их территории осталась бы в руках Англии¹. Между тем внимательное ознакомление с содержанием мирных предложений русского правительства и обстоятельств, в ходе которых они были выдвинуты, позволяет оценить их объективное значение совсем по-иному.

В предварительном и неофициальном порядке мирные предложения России были выдвинуты первоприсутствующим в коллегии иностранных дел графом Н. И. Паниным в беседе с новым французским посланником в С.-Петербурге маркизом Вераком в конце лета 1780 г. Глава русского ведомства иностранных дел к этому времени был убежден, что англичане никогда

¹ S. F. Bemis. The Diplomacy of the American Revolution. New York, 1935, p. 181—182, 187.

не смогут вновь подчинить свои восставшие колонии. Однако для того чтобы обеспечить независимость Америки, не ущемляя при этом гордость Великобритании, следовало бы, по его мнению, первоначально заключить перемирие, после чего французский король запросит каждую колонию в отдельности относительно того, желает ли она сохранить независимость. Более того, Панин откровенно заявил, что видит в независимости Америки выгоду «для всех стран и особенно для России». В соответствии с его планом Америка получила бы «полную свободу решать свою собственную судьбу, и... во время перемирия она могла бы свободно торговать со всеми странами». Подводя итоги всему тому, о чем неоднократно говорил Панин, французский посланник сообщал, что у него «имеются основания полагать, что втайне Россия выступает за предоставление американцам независимости»².

На первый взгляд может показаться, что предложения Н. И. Панина были совершенно нереальными и к тому же не слишком благоприятными для восставших американцев. В дипломатических кругах предполагалось, что в случае осуществления этого плана обе Каролины скорее всего останутся верными британской короне³. Так, в июне 1780 г. Екатерина II сообщила австрийскому императору Иосифу II о своем желании, «чтобы был заключен мир и чтобы часть колоний получила независимость»⁴. А в декабре 1780 г. в приватной беседе с английским посланником Дж. Гаррисом императрица высказалась на этот счет особенно определенно: «Заклучайте мир, начинайте переговоры с вашими колониями..., постарайтесь их разъединить», — настойчиво советовала Екатерина II британскому дипломату⁵.

² Существо предложений Н. И. Панина изложено в донесениях Верака Верженну от 1 сентября и 11 октября 1780 г. — *I. de Madariaga. Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780*. New Haven, 1962, p. 245—246; *R. B. Morris. The Peacemakers*. New York, 1965, p. 169—170; *D. M. Griffiths. Nikita Panin, Russian Diplomacy, and American Revolution*. — «*Slavic Review*», March 1969, p. 13—15. Проведенные нами поиски записей бесед Н. И. Панина с французским посланником как в архиве коллегии иностранных дел (АВПР, ф. Внутренние коллежские дела, «конференциальные записки»), так и в личных бумагах Панина в ЦГАДА (ф. 1274) и рукописном отделе ГБЛ (ф. 222) никаких результатов не дали. Вместе с тем в результате этих поисков была обнаружена публикуемая ниже «всеподробнейшая записка», одобренная Екатериной II 22 января (2 февраля) 1781 г., в которой предложения Н. И. Панина получили дальнейшее развитие и подробное обоснование (док. № 1).

³ *M.-D. B. de Corberon. Un Diplomate Français à la cour de Catherine II 1775—1780. Journal intime du chevalier de Corberon*. Paris, 1901, t. II, p. 322—323.

⁴ Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz. Dritter Band, August 1778—1780. Wien, 1868, S. 252.

⁵ Дж. Гаррис — лорду Стормонту, 13(24) декабря 1780 г. — *Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury*. London, 1844, Vol. I, p. 357; «Русская старина», сентябрь 1908, стр. 457—458.

В том, что царица во время частной аудиенции цинично рекомендовала английскому посланнику попытаться в ходе мирных переговоров разъединить восставшие колонии, вообще говоря, нет ничего удивительного (действия монархов редко согласуются с моральными нормами). В данном случае, однако, важно другое — Екатерина II (не говоря уже о Н. И. Панине) понимала, что победить восставших американцев силой оружия уже невозможно, и советовала англичанам как можно скорее заключить мир (при этом даже в представлении царицы часть колоний должна была получить независимость).

При анализе предложений русского правительства крайне важно также учитывать конкретные обстоятельства и время их выдвижения. Напомним, что уже несколько лет шла тяжелая и изнурительная война без видимой перспективы на успех. Значительная часть территории Соединенных Штатов, включая Нью-Йорк, была оккупирована британскими войсками. В мае 1780 г. англичане нанесли тяжелое поражение армии США под Чарлстоном, в результате которого был открыт путь к наступлению в Южную Каролину и Джорджию. 16 августа войска генерала Корнваллиса одержали на юге другую победу — под Камденом (Южная Каролина) ⁶.

Еще в ноябре 1778 г. союзница Франции Испания предложила мирное урегулирование на основе *uti possidetis* (аналогичным путем после перемирия 1609 г. обрели свою независимость Соединенные Провинции Голландии) ⁷. Французский министр иностранных дел граф Верженн выразил в конце 1778 г. заинтересованность в такого рода перемирии при условии, что Англия согласится вывести из Северной Америки свои войска ⁸.

По сравнению с испанскими предложениями проект Н. И. Панина имел значительные преимущества. Если в соответствии с принципом *uti possidetis* Нью-Йорк оставался во владении английского короля, то Н. И. Панин предлагал передать решение вопроса о независимости на рассмотрение самих американских

⁶ Подробно о военной истории борьбы США за независимость см.: D. Higginbotham. The War of American Independence. New York, 1971; «American Military History». Washington, 1969, p. 87—88.

⁷ H. Doniol. Histoire de la participation de la France à l'établissement des Etats-Unis d'Amérique. Correspondence diplomatique et documents, t. I—V. Paris, 1886—1892, t. III, p. 617—625; S. F. Bemis. The Hussey-Cumberland Mission and American Independence. Princeton, 1931.

⁸ H. Doniol. Op. cit., t. III, p. 594—603, 626—638. Касаясь позднее различных способов окончания военного конфликта, испанский министр иностранных дел граф Флоридабланка в беседе с русским посланником С. С. Зинovieвым особо остановился на выгодах заключения перемирия. «Сим поступком» Англия «нимало себя не усилит и в презрение не придет, потому что уже давно сама собою формально трактует с колониями о мире», — доносил русский дипломат из Мадрида Н. И. Панину 16(27) декабря 1780 г. (АВПР, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 388, лл. 318—321).

штатов (каждого в отдельности). Принцип самоопределения штатов, естественно, привел бы подавляющее большинство (если не все) бывших английских колоний в Северной Америке к независимости. Именно к такому выводу недавно пришел молодой американский исследователь Д. Гриффитс⁹.

Значение русских предложений в полной мере становится ясным, если учесть отношение к ним графа Верженна. По словам французского министра, в беседе с Вераком Панин выдвинул «несколько идей», призванных решить главную трудность: вопрос о независимости Америки — этот подлинный «гордиев узел настоящей войны» (*le noeud Gordien de la présent guerre*)¹⁰. В случае решения этой кардинальной проблемы уже не могло быть сомнений в том, что непосредственным следствием явится мир. Державы, заинтересованные в восстановлении мира, едва ли могли бы отказаться выяснить у «Соединенных Провинций Америки» их намерения и получить у каждой из них в отдельности «аутентичную декларацию» о стремлении сохранить независимость. По мнению Верженна, это ни в какой мере не нарушило бы достоинство и обязательства, принятые Францией. Американцы остались бы «арбитрами и хозяевами» своего положения. «Если какие-либо из Соединенных Провинций предпочли возвратиться под господство Англии, обязательства короля ни в коей мере не были бы затронуты», поскольку гарантия французского правительства в этом случае на них не распространялась. В целом это было бы приемлемо для Франции и в то же время почетно для Великобритании.

Не были в принципе против заключения перемирия и посредничества нейтральных держав, как известно, и сами Соединенные Штаты, при условии, что это приведет в дальнейшем к признанию их независимости¹¹.

Исключительно высоко Верженн отзывался и о лиге нейтральных стран во главе с Россией. По словам французского министра, действительная цель настоящей войны состояла в том, чтобы все нации пользовались свободой мореплавания. Выражая согласие на то, чтобы Россия выступила в роли «посредника и арбитра», Верженн рассчитывал, что в таком случае при заключении мирного договора в нем найдут отражение принципы декларации Екатерины II о вооруженном нейтралитете¹².

Уже 23 октября (3 ноября?) 1780 г. маркиз Верак сообщил

⁹ D. M. Griffiths. Nikita Panin... — «Slavic Review», Vol. 18, N 1, March 1969, p. 15—18.

¹⁰ Верженн — Вераку, 12 октября 1780 г. — РО ГБЛ, ф. 222 (Панины), картон IV, ед. хр. 1, л. 348.

¹¹ Secret Journals or Acts and Proceedings of Congress. Boston, 1820, vol. II, p. 412—423, 434; The Revolutionary Diplomatic Correspondence of the United States, ed. by F. Wharton, Vol. IV, p. 476 etc.

¹² Полный текст инструкций Верженна Вераку от 12 октября 1780 г. см.: РО ГБЛ, ф. 222, картон IV, ед. хр. 1, лл. 348—354.

Панину о благожелательном отношении французского правительства к русским мирным предложениям, а на следующий день переслал полный текст депеши Верженна от 12 октября 1780 г.¹³ Депеша предназначалась только для сведения императрицы, и посланник специально подчеркивал ее сугубо конфиденциальный характер. Сам Панин также вел свои переговоры с Вераком в строгой тайне, и этим, по всей вероятности, объясняется безрезультативность поисков каких-либо официальных протоколов или записей бесед с французским посланником в бумагах коллегии иностранных дел. О переговорах ничего не было известно ни Дж. Гаррису, ни его другу Г. А. Потемкину. «Я не смог получить какой-либо дополнительной информации о предполагаемом предложении императрицы о посредничестве, — с сожалением доносил лорду Стормонту английский посланник из С.-Петербурга в октябре 1780 г. — Князь Потемкин заявил о своем незнании об этом шаге и о том, что ничего подобного не появлялось в бумагах, которые ему посылались... С каждым днем мне все труднее вести здесь дела, — жаловался Дж. Гаррис. — Князь Потемкин или не может, или боится мне помогать, а мои враги владеют всеми другими путями ко двору. Ваше сиятельство, однако, может быть уверен, что я буду сражаться до конца»¹⁴.

Британский дипломат не сомневался, что между Паниным и Вераком уже давно существовало «самое полное согласие»¹⁵. Вскоре его опасения получили официальное подтверждение из уст руководителя ведомства иностранных дел. По отзыву Гарриса, Панин в беседе с ним весьма высоко оценивал «благоразумие, умеренность и хорошее поведение» врагов Великобритании и тем самым косвенно возлагал вину на англичан. Он подробно распространялся о мощи, ресурсах и высоком духе противников Великобритании и, ссылаясь на явное неравенство сил в происходившем конфликте, решительно высказывался в пользу скорейшего заключения мира. Учитывая, что продолжение борьбы «может привести нас лишь к бедствию и гибели, он (Панин. — Н. Б.), — писал Гаррис, — решительно рекомендовал нам заключить мир... на условиях, которые были бы приемлемы для всех воюющих сторон». По словам Гарриса, русский министр защищал «дело Бурбонов с такой же горячностью, хотя и с меньшим красноречием, как это сделал бы версальский посланник», и что от Панина англичане «никогда не должны ожидать ничего, кроме зла»¹⁶.

27 октября (7 ноября) 1780 г. русским посланникам в Лондоне, Париже и Мадриде были направлены официальные инструкции, в которых выражалась заинтересованность царского пра-

¹³ Верак — Н. И. Панину, 24 октября (ст. ст.?) 1780 г. — Там же, л. 347.

¹⁴ Гаррис — Стормонту, 16(27) октября 1780 г. — *Diaries...*, Vol. I, p. 338—339.

¹⁵ Гаррис — Стормонту, 29 сентября (10 октября) 1780 г. — *Ibid.*, p. 336.

¹⁶ Гаррис — Стормонту, 23 октября (3 ноября) 1780 г. — *Ibid.*, p. 339—341.

вительства в «восстановлении общего в Европе мира» и желание «видеть скорее конец народным бедствиям, а особливо политию неповинной крови, каким бы то образом ни было достигнуто»¹⁷. Когда в декабре 1780 г. русский посланник в Лондоне И. М. Симолин сделал английскому правительству официальное представление о посредничестве (известное «*insinuation verba-le*»), лорд Стормонт предпочел привлечь также и Австрию и тем самым по возможности парализовать нежелательные последствия русской инициативы¹⁸. Чтобы поставить царское правительство перед свершившимся фактом и лишить его свободы выбора, предложение о привлечении к мирному посредничеству Австрии было «беспосредственно» передано венскому кабинету через британского посла кавалера Кента. Учитывая характер русско-австрийских взаимоотношений (подготовка заключения союзного договора) и все возраставшую заинтересованность России в обеспечении благоприятных условий для своей восточной политики, отклонить сотрудничество с Австрией практически было невозможно. Будучи вынужденным согласиться на совместное русско-австрийское посредничество, Н. И. Панин предполагал тем не менее провести свой первоначальный мирный план.

Особый интерес в этой связи представляет публикуемая нами записка о мирном посредничестве, которая была доложена Екатерине II и одобрена русской императрицей 22 января (2 февраля) 1781 г. (док. № 1). В этом документе в первую очередь обращалось внимание на принципиальное различие позиций воюющих держав в вопросе о независимости восставших колоний. Если Англия почитает «несовместным достоинству своему принятие независимости селений Американских», то Франция, связав себя с восставшими формальным соглашением, «в противном пер-вой поставляет свое достоинство. Одна крайняя пужда и сущее изнеможение могли бы отвлечь каждую от сих между собой противных мыслей, но состояние воюющих держав видится весьма от сей степени удаленным».

В этих условиях, по мнению Н. И. Панина, оба высоких посредника должны занять совершенно беспристрастную позицию

¹⁷ Екатерина II — И. М. Симолину, 27 октября (7 ноября) 1780 г. — АВПР, ф. Лондонская миссия, 1779—1781 гг., оп. 36, д. 345, лл. 15—17; ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, д. 68, лл. 7—11.

¹⁸ См.: И. М. Симолин — Екатерине II, 15(26) декабря 1780 г. и ответ лорда Стормонта на ноту Симолина от 16 декабря 1780 г. — АВПР, ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, д. 310, лл. 24—29; ф. Сношения России с Австрией, оп. 32/6, д. 632, лл. 5—7. Что касается французского правительства, то, хотя в общем оно вполне благожелательно отнеслось к мирной инициативе Н. И. Панина, свой окончательный ответ оно обещало дать после согласования с Соединенными Штатами, поскольку король «не имеет после конгресса никакого факультета поступать на какую-либо до него касательную сделку» (см.: Н. К. Хотинский — Н. И. Панину, 4(15) декабря 1780 г., № 36. — АВПР, ф. Сношения России с Францией, оп. 96/6, д. 355, лл. 200—210).

и представить свой план умиротворения, предусматривающий в первую очередь заключение «перемирия на два или на три года в Европе и прочих частях света» (в записке специально оговаривалось, что в это перемирие «долженствуют быть включены селения Американские»). В случае крайнего упорства Великобритании в признании американского уполномоченного перемирие могло быть заключено «посредством медиаторов, т. е. их актом при совершенном обеих сторон согласии, чрез министров их, тут же объявляемом».

Русское правительство специально отмечало, что «не должно у селений Американских отымать способов негоцировать с короной английской и заключить с ней договоры обще или частно по провинциям». При этом предусматривалась возможность того, что «Франция окажет податливость выйти с достоинством из обязательств своих и из самой войны, удовольствовавшись, например, гарантией пактов, постановляемых между Англией и американскими колониями, и разными выгодами, по торговле ей дозволяемыми».

Что касается места мирных переговоров, то русское правительство, «как в угодность е. в-ву императору, так и по способности положения того города», соглашалось остановить свой выбор на Вене, «для чего российско-императорский министр князь Дмитрий Михайлович Голицын и должен наставлен и уполномочен быть к тому, чтоб обще с министерством императорским и воюющих держав трактовать, по медиации делать надлежащие предложения и завести с министрами нашими при других дворах непосредственное сношение».

В точном соответствии с содержанием анализируемой записки Д. М. Голицыну 4(15) февраля 1781 г. был направлен царский рескрипт (док. № 2) и полномочия действовать «в качестве медиатора» с тем, чтобы содействовать заключению «трактатов, конвенций или других актов, которые будут признаны нужными для совершенного и окончательного соглашения всех распрей и для полного и совершенного примирения настоящих замешательств» (док. № 3). Вместе с рескриптом от 4(15) февраля 1781 г. в Вену была направлена целая серия дополнительных материалов (включая публикуемые ниже полномочия и записку о мирном посредничестве), призванных дать Д. М. Голицыну возможно более полное представление о возложенной на него миссии¹⁹.

Одновременно русским дипломатическим представителям в Лондоне, Париже и Мадриде были даны предписания содействовать «внушениями и объяснениями общими достижению желаемого» мирного урегулирования. «По усердному нашему желанию возвратить человечеству мир и тишину, — указывалось в рескрипте И. М. Симолину, — охотно употребим все от нас завися-

¹⁹ См.: АВПР, ф. Сношения России с Австрией, оп. 32/6, д. 632, лл. 5—7, 13—23, 24—33, 36—37, 44—49 и др.

щие пособия в предстоящей важной неготиации». При объяснении выбора австрийской столицы в качестве места для проведения предстоящего мирного конгресса царское правительство указывало, что Вена «для всех держав лежит в середине» и там «уже есть взаимные их министры», что делает ненужными «новые и напрасные издержки»²⁰. «Во всех объяснениях с воюющими и с другими державами» русским дипломатам рекомендовалось «сколь можно менее входить в раздробление о делах американских, дабы не оказать пристрастия ни к одной стороне, а не меньше, чтобы избежать всяких тут ошибок» (док. № 1).

21 мая 1781 г. Д. М. Голицын и австрийский канцлер князь Кауниц направили правительствам Франции, Испании и Австрии свои согласованные предложения, «призванные служить основой для переговоров о восстановлении всеобщего мира». Этот документ (кстати говоря, уже менее благоприятный для США, чем первоначальные русские предложения) предусматривал: 1) что на конгрессе в Вене будут рассмотрены без исключения все предложения, выдвинутые воюющими сторонами. Одновременно между Великобританией и американскими колониями должны были происходить параллельные переговоры о восстановлении мира в Америке, «но без какого-либо вмешательства других воюющих сторон и двух императорских дворов, если только их посредничество на этот счет не будет официально запрошено и предоставлено»; 2) мир с американскими колониями мог быть подписан только одновременно с мирным договором между другими воюющими сторонами и оба соглашения подлежали «торжественным гарантиям» посредников, а также «любой другой нейтральной державы, чью гарантию могут счесть необходимой»; 3) для того чтобы сделать мирные переговоры независимыми от неожиданностей, связанных с военными действиями, предлагалось заключить общее перемирие сроком на один год, во время которого сохранялось статус-кво; 4) одобрив этот план переговоров, воюющие державы должны были просить посредников открыть заседания конгресса и без промедления снабдить своих представителей полномочиями и инструкциями, необходимыми для успеха неготиаций²¹.

Легко заметить, что в основе этих статей лежали предложения Н. И. Панина, однако правительство Австрии внесло в них ряд существенных изменений. Отметим, в частности, что в русских предложениях речь чаще шла о «селениях Американских», а не об американских колониях. Срок перемирия предусматривался

²⁰ См. рескрипты И. М. Симолину, Н. К. Хотинскому и С. С. Зиновьеву от 4(15) февраля 1781 г.— АВПР, ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, д. 318, лл. 80—83; ф. Сношения России с Францией, оп. 93/6, д. 365, лл. 6—9 и др.

²¹ «Articles pour servir de base à la négociation du rétablissement de la paix général», 21.V 1781.— АВПР, ф. Сношения России с Австрией, оп. 32/6, д. 638, лл. 36—37.

в два или даже три года, а не на один год, и т. д. Австрийская редакция русских предложений оказалась, таким образом, более неблагоприятной для США, но Д. М. Голицын и его высшее начальство в С.-Петербурге не хотели препираться со своим новым союзником по поводу этих «мелочей». «Я не усомнился, державнейшая государыня, — доносил в С.-Петербург Д. М. Голицын, — согласиться на предложения князя Кауница, тем больше, что в прошедшем месяце апреле от него же сообщено мне как о воспоследовавшем от французского и испанского дворов формальном принятии совокупной обоим императорским дворам медиации, так и о том, что высочайшему в. п. в-ва двору тогда надлежащее об оном принятии известие подано»²².

По целому ряду причин мирная инициатива русского правительства не привела к конкретным результатам. Англия упорно не желала «согласиться на независимость Америки». По отзыву И. М. Симолина, «этот пункт имеет такое огромное значение для важнейших интересов Англии и ее престижа», что британский кабинет «никогда не уступит в этом вопросе и в мирных переговорах не будет никакого прогресса до тех пор, пока Франция будет настаивать на этом условии»²³.

Касаясь ответа британского кабинета на совместные австро-русские предложения, И. М. Симолин писал Н. К. Хотинскому в Париж в июне 1781 г., что в нем «содержится отказ от переговоров постольку, поскольку они касаются американских колоний, с которыми твердо намерены вести дела лишь как с подданными, и потому все, что относится к ним в первой, второй и третьей прелиминарных статьях, считается неприемлемым и противоречащим достоинству короля, основным интересам его народа и правам его короны. Похоже, что король, министерство и народ решили скорее погибнуть с оружием в руках, чем согласиться с бесчестьем... Если два двора, выступающие в качестве посредников, не найдут других средств для примирения сторон, то срок начала переговоров о всеобщем мире будет еще более отодвинут»²⁴.

Серьезным успехом английской дипломатии в С.-Петербурге следует считать уход Н. И. Панина сначала в отпуск в мае 1781 г., а затем и его окончательное отстранение от руководства делами коллегии иностранных дел. В беседе с Гаррисом Потемкин прямо связал отставку Панина с действиями британского дипломата и, в частности, с его беседой с Екатериной II в марте 1781 г.²⁵ Хотя Г. А. Потемкин, по всей видимости, несколько

²² Д. М. Голицын — Екатерине II, 11(22) мая 1781 г., № 37. — Там же, л. 31.

²³ И. М. Симолин — Н. И. Панину, 12(23) марта 1781 г. — АВПР, ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, д. 320, лл. 157—158.

²⁴ И. М. Симолин — Н. К. Хотинскому, 19(30) июня 1781 г. — АВПР, ф. Парижская миссия, 1781 г., д. 4, лл. 30—32.

²⁵ Diaries..., Vol. I, p. 450.

преувеличил «заслуги» своего английского друга, объективно уходя Н. И. Панина оказался для британской дипломатии очень кстати. «Прусский, французский и голландский министры, — писал Гаррис, — считают себя оставшимися без главы»²⁶.

Переписка о мирном посредничестве велась одновременно с переговорами о заключении союзного договора с Австрией²⁷. В дальнейшем, по мере того как возрастало внимание царского правительства к восточным делам, союзу с Австрией и присоединению Крыма, уменьшалась его заинтересованность в мирном посредничестве в европейских и американских делах. К тому же реально все нити посредничества были сосредоточены в Вене, а затем в Париже, где русское влияние оказалось довольно ограниченным. В конечном итоге посредничество свелось к формальному акту подписания русскими уполномоченными И. С. Барятинским и А. И. Морковым окончательных мирных договоров Англии с Францией и Испанией 3 сентября 1783 г.²⁸

Вместе с тем сам факт выдвижения Н. И. Паниным конкретного плана мирного посредничества и последующие неоднократные выступления русского правительства в пользу заключения мира не могли не способствовать открытию прямых переговоров и окончательному урегулированию конфликта как в Европе, так и Америке в 1782—1783 гг.

*

При работе в Архиве внешней политики России любезную помощь и содействие составителю постоянно оказывали заместитель начальника Историко-дипломатического управления МИД СССР В. И. Мазаев и сотрудники управления Н. Н. Башкина и особенно В. И. Жиленко.

Н. Н. Болговитинов

²⁶ Diaries..., Vol. I, p. 415.

²⁷ Проект союзного договора между Россией и Австрией был передан австрийским посланником в С.-Петербурге 19(30) января 1781 г. — АВПР, ф. Сношения России с Австрией, оп. 32/6, д. 1016, л. 2 и далее.

²⁸ И. С. Барятинский и А. И. Морков — Екатерине II, 23 августа (3 сентября) 1783 г., № 46. — АВПР, ф. Сношения России с Францией, оп. 93/6, д. 403, лл. 50—51. Тексты договоров — лл. 62—89, 90—115, 116—126, 127—144.

*Записка о русско-австрийском посредничестве **

С.-Петербург, 22 января (2 февраля) 1781 г.

На сделанное венским двором здешнему сообщению о востановлении с ним медиации для прекращения войны между Англией — с одной и Францией и Гишпанией, с другой стороны, ответ наш может основан быть на следующем:

Отдать надлежащую справедливость прониканию и беспристрастию его в-ва римского императора, во всех делах являющимся не меньше как и дружественной его искренности в рассуждении ее и. в. сказать, что нельзя не принять за основание сему толь важному делу правило, его в-ом в ответ великобританскому двору представленное, чтоб каждая сторона другой не предлагала, как то, чтобы сама она приняла для себя за сходное, будучи в равном положении. Если бы воюющие державы на сем правиле учреждали свои поступки и изъяснения, то не было бы ни малого сомнения в успехе миротворения обоими государями, на себя приемлемого, из самого лучшего побуждения: но по сие время трудно было определить средину, на обе стороны сносную, из всех тех отзывов, которые деланы от Англии и Франции. Первая почитает несомнительным достоинству своему принятие независимости селений Американских, от нее отторгнувшихся. Другая, поступив непризнание той независимости и связав себя с ними условиями не вступать без их соучастия ни в какие договоры, в противном первой составляет свое достоинство. Одна крайняя нужда и сущее изнеможение могли бы отвлечь каждую от сих между собой противных мыслей, но состояние воюющих держав видится весьма еще от сей степени удаленным, ибо по сие время ничто еще между ними не произошло решительное в перевесе одной стороны. Думать должно, что и самая удача оружия в чью-либо пользу, не столь скорую, произведет решительность, поелику каждая держава, для всемерного сокращения своего изнеможения и для собственной своей чести, не преминет стараться привести себя прежде в состояние явиться с новым противоборством.

Встречающиеся с самого первого вида в деле сем затруднения не могут останавливать обоих государей в подвиге, им предлагаемом. Слава споспешествовать унятию пролития невинной крови и восстановлению всемирного спокойствия послужит им в том побуждением. Справедливость их намерений, взаимное их дружество и отсюда проистекающая искренность могут великую подавать надежду достижения в сем желаемого успеха. Чтоб доброе положить тому начало, нужно обоим императорским дворам вступить о деле сем в откровенное сношение и соглашение о предлагаемых мерах.

Его в-ву императору римскому известно содержание ответа великобританского двора, данного российско-императорскому министру на внушение от имени ее императорского в-ва, учиненное о восстановлении мира. Ее в-во не скрывает от сего государя, что равное внушение по ее попечению сделано было дворам версальскому и мадридскому. Ответ первого не заключает более решительности, как и от лондонского данный, ибо в нем сказано, что король французский имеет двух союзников — короля гишпанского и Американские селения, без коих сношения не может приступить ни к какому договору по собенным с ними обязательствам. От Гишпании не получен еще ответ, но и не может он быть решительным, хотя и вероятно, что составлен будет по сношению обоих фамильных дворов. При таковом несходстве обосторонних предложений одно было бы средство, чтобы пункт, составляющий камень преткновения в совершении мирного дела, решить изречением мыслей двух медиаторов, основанных на человеколюбии и беспристрастии, сообщаемым одной и другой стороне посредством проекта прелими-

* Помета: «Читано и высочайше апробовано. Генваря 22 1781» и делопроизводственная надпись: «По сему писано в Вену».

нарных договоров; но как тут, при всем удалении обоих их императорских величеств от малейшего оказательства предпочтения к интересам той или другой державы, надлежит всемерно наблюдать, дабы таковые предложения и порознь воюющим державам делаемые не произвели в них подозрения и неудовольствия к высоким медиаторам; для того к удобнейшему достижению успеха по степеням на сие время не представляются лучшие способы, как ниже изображаемые:

1-е. Постановление перемирия на два или на три года в Европе и прочих частях света, оставляя дела в настоящем положении со избежанием, по всей возможности, входить в дальнейшие объяснения. Пользуясь спокойствием от действий оружия, воюющие могут удобно трактовать о собственных притязаниях, поелику и кроме американских дел имеются у них таковые по торговле и том подобном.

2-е. В перемирие сие конечно должны входить селения Американские. Тут деликатность Англии всемерно пощадить надлежит, дабы отнять всякое подозрение, будто бы под предлогом перемирия заключалось намерение вынудить у сей короны однажды признание независимости отпавших ее подданных. Сей осторожности можно было бы удивляться, постановляя в акт с перемирия просто, что великобританский двор, желая истинно способствовать достижению мира между воюющими, с своей стороны в течение постановляемого для сношений и переговоров перемирия обещает унять военные действия против отпавших от нее колоний на все время того перемирия. Может быть, что для отвращения различных споров, наче же предвидимого со стороны французской нации, чтоб тут участвовал и упорства, самое перемирие заключать удобнее посредством медиаторов, т. е. их актом при совершенном обеих сторон согласии, чрез министров их, тут же объявляемом.

Между тем не должно у селений Американских отымать способов негоцировать с короной английской и заключить с ней договоры общие или частно по провинциям, либо другим частям, в чем и нужно со стороны Франции ясное обязательство, что она не разорвет сего перемирия по поводу таковой общей и частной негоциации между Англией и теми селениями, если она только мирно, а не силой оружия не приязненными действиями производима будет.

3-е. В продолжение такового перемирия обе стороны могут спокойным духом распознать свои существенные интересы и располагать дела мирные при помощи содействия медиаторов. Может быть Франция окажет податливость выйти с достоинством из обязательств своих и из самой войны, удовольствовавшись, например, гарантией пактов, постановляемых между Англией и американскими колониями, и разными выгодами, по торговле ей дозволяемыми. Тут конечно в глазах беспристрастного света не будет подвержена предосуждению честь ее, когда американцы сами для себя определяют иной жребий, коего безопасность ручательством сей короны удостоверена быть может.

Что касается до Гиспании, то хотя она в числе воюющих держав состоит и хотя, как выше сказано, Франция об ней яко о союзной упомянула, ее, однако ж, желания и претензии в подробности их здесь не вовсе известны: а как без соучастия ее мирная негоциация иметь места не может, то и предполагается, что может быть тот двор откроет отчасти мысли и требования свои при случае ответа, на внушение здешнее ожидаемое; инако же венский двор не соизволит ли по дружеству своему с двором мадридским войти в ближайшее с ним изъяснение, да и впрочем его в-ву императору может быть более известны интересы того двора, почем и может он судить об их к миру наклонности.

К принятию обоих императорских дворов медиации не довольно одного предложения со стороны английской, но нужно равное на то соглашение и обоих бурбонских дворов; почему и тут нужно постановить с венским двором, обще ли с ним предъявить ее или же, по известной его связи с теми дворами, предоставить ему одному сделать о том первое

внушение, чтоб после оба императорские дворы могли по усмотрению по-
датливости их сделать формальное предложение. Тут деликатность и честь
обоих дворов требует дать прямую цену всем своим предложениям, осно-
ванным на свойственном им человеколюбию и бескорыстии, и отдалить
мнение, будто бы оба государя напрашивались на медиацию, ибо они,
будучи посторонние в войне, не имеют для себя много вида, как только
предостерегать, чтобы война между сими державами не распространялась
далее и не понудила их в соблюдение пользы своих народов взять дея-
тельные меры. Примечание сие долженствует учинено быть и Англии.

Впрочем, ее и. в-во, сообщая его в-ву императору свои мысли по все-
му общему их делу, совершенно удостоверена во взаимстве тому и с его
стороны, предъявляя готовность свою принять план, который его в-вом
предложен будет для удобнейшего соглашения воюющих держав к прек-
ращению их распрей, в полной надежде, что плану тому, так как и всей
медиации, их императорскими в-ми на себя приемлемой, основанием слу-
жить будут человеколюбие и беспристрастие, из коих имеют проистекать
все предложения, делаемые воюющим, и все объяснения, взаимные между
соедигаторами.

Переговоры мирные в Вене могут продолжаемы быть как в угодность
его в-ву императору, так и по способности положения того города, для
чего российско-императорский министр князь Дмитрий Михайлович Голи-
цын и должен наставлен и уполномочен быть к тому, чтоб обще с мини-
стерством императорским и воюющих держав трактовать, по медиации
делать надлежащие предложения и завести с министрами нашими при
других дворах непосредственное сношение для выпирания времени. Из
всего разумеется, что и ответ императору должен быть учинен чрез него,
отослав ему при рескрипте, а графу Кобенцлю сообща после с него
копию.

В Париже, Мадриде и Лондоне в то же время надлежит доставить
повеления по сей материи с полными наставлениями, сходящими
тому же ответу, дабы министры наши, с австрийскими соглашаяся, со-
действовали внушениями и объяснениями общими достижению желаемого.

Во всех объяснениях с воюющими и с другими державами нужно
сколь можно менее входить в раздробление о делах американских, дабы
не оказать пристрастия ни к одной стороне, а не меньше, чтобы избежать
всяких тут ошибок.

*АВПР, ф. Сношения России с Австрией, 1781 г., оп. 32/6, д. 632, лл.
24—33. Отпуск.*

№ 2

Екатерина II посланнику в Вене Д. М. Голицыну

С.-Петербург, 4(15) февраля 1781 г.

При сообщении воюющим державам списков с конвенций С.-Петер-
бургской и Копенгагенской, заключенных в пользу нейтрального корабле-
плавания между нами и их в-ми королями датским и шведским, поручили
мы в то же время министрам нашим в Лондоне, Париже и Мадриде учи-
нить каждой из них побудительное на мир внушение, как Вы то обстоя-
тельство усмотрите из следующей здесь копии с данного сим министрам
рескрипта.

Лондонский двор, приняв сказанное ему с признательностью, не
оставил в оборот изъявить добрую свою волю к восстановлению мира и
просить на то совокупной нашей и его в-ва императора римского меди-
ации. Для лучшего обозрения всех частей сего дела прилагается здесь спи-
сок с реляции полномочного министра Симолина, которая содержит
в себе и самый ответ английского статского секретаря, как оный ему
прочтен и потом для лучшего упоминания к записке дан был.

Сей ответ, сообщенный непосредственно из Лондона австрийскому министерству и препровожденный в Вене через кавалера Кента формальным уже приглашением его в императора римского к общей с нами медиации, причинствовал естественно отзыв и откровение к нам сего государя, которые найдете Вы в бумаге, означенной буквой В, а при оной следует и словесный ответ князя Кауница, učinенный между тем кавалеру Кенту, дабы Вам все доняне происшедшее в полной мере и в прямом образе известно быть могло.

На первую из сих бумаг следует здесь ответная наша записка, которую Вы для доставления в руки его в-ва императора князю Кауницу отдать можете, с оговоркой, однако ж, чтоб она признаваема была словесным изъяснением, как то и здесь графом Кобенцем učinено было в рассуждении его сообщение под буквой В.

Сия записка, объемя все части настоящего дела, не оставляет сама по себе места другим рассуждениям, и так сократимся мы только объявить Вам здесь волю и мысли наши по поводу производства будущей мирной негоциации, если она действительна в Вене открыта будет, ибо Вас самих как министра, в верности, усердии и делах похвально испытав, наперед к ней избираем и уполномочиваем следующую здесь в подлиннике и переводе полную мочью, которую Вы во свое время надлежащим образом употребить имеете.

Но как к узаконению обоих императорских дворов медиации недовольно одного предложения со стороны английской, а нужно тут равное соглашение и обоих бурбонских домов, то при извещении князя Кауница о запасной записке прежде всего условиться с сим министром об образе учинения им о том первого внушения. На случай общего в сем случае поступка, дабы министры наши в Париже и Мадриде могли, не отписываясь уже сюда, составить общее дело с цесарскими в их местах послами, отирались к ним запасные повеления, с коих прилагается здесь список для Вашего сведения и руководства частным их содействием по времени и обстоятельствам. Равным образом найдете Вы здесь в копии с рескрипта к полномочному министру Симолину наш ответ лондонскому двору на его формальное приглашение к медиации.

На основании таковых наших повелений не оставите Вы со своей стороны войти с теми нашими министрами в непосредственную переписку и как их уведомлять от себя о том, что из происходящего в Вене до частей их служения относиться может, так, напротив, и от них взаимствовать всякое собственном Вашем нужное пособие.

Трактуя с венским двором о совокупной медиации в войне между Англией и обоими бурбонскими домами, не вменяем мы тут новой войны первой из сих корон с Республикой Голландской. Обстоятельства ее совсем отменны от прежней, а потому и требует других изворотов. Мы находимся с обоими морскими державами в тесной связи, как по торговле, так и по обязательствам формальных договоров, следовательно же, и интересованы более всех в скорейшем их между собой примирении, от которого по всей вероятности и сами они внутренно не удалены. Мы поспешили для того представить обоим сторонам наши добрые услуги и нашу медиацию, о чем Вы известите из приложенных здесь копии с рескриптов наших, в Лондон и Гагу отправленных. Надлежит теперь обождать, какое действие произведет дружеское наше представление и не откроется ли от оного особливая и частная негоциация между обоими морскими державами. Немного тут надобно времени. Сообщая все сие князю Кауницу следствием дружеской нашей откровенности и такового же внимания к императору, поручаем мы в тоже время изъясниться с сим министром на случай, если старание и посредство наши не предуспеют вскоре прекратить вражду и неприязнь Англии с Голландией, чтоб по крайней мере в будущей под совокупной медиацией обоих императорских дворов

общей негоциации постановляемое унятие оружия на все части настоящей войны, а потом и на Республику Соединенных Провинций распространено было, инако же все наши труды и попечения не произведут желаемого плода. Не скроется толи справедливое опасение от собственной прозорливости е. в. в императора, и Вы, конечно, не встретите в свое время затруднения на такое нами желаемое и по себе необходимо нужное включение.

Мы пребываем Вам императорской нашей милостью благосклонны. Дав в Санкт-Петербурге 4-го февраля 1781 года.

Надписи: Подлинный подписан собственной ее и. в. в-ва рукой тако: Екатерина Апробован февраля 3 дня 1781.

АВВР, ф. Сношения России с Австрией, 1781 г., оп. 32/6, д. 632, лл. 1—4. Копия.

№ 3

Полномочия Д. М. Голицыну

С.-Петербург, 6 (17) февраля 1781 г.

По учиненному нам приглашению воспособствовать нашей с его в-ом императором римским, королем венгерским и богемским совокупной медиацией прекращению между воюющими ныне державами настоящих раздоров и действительной войны, а притом желая всем тем державам по искренней нашей дружбе, частно каждой из них, оказать вообще приятную, а человечеству драгоценную услугу, избрали, назначили и определили мы и сим избираем, назначаем и определяем нашего любезного действительного тайного советника, действительного камергера, чрезвычайного и полномочного министра при дворе его в-ва императора римского и кавалера орденов святого Андрея, святого Александра Невского и святой Анны князя Дмитрия Голицына, уполномочивая его именем нашим и со стороны нашей в качестве медиатора совокупно с тем или теми, которые будут к тому же назначаемы и равномерно полной мочью снабжены со стороны его в-ва императора римского, короля венгерского и богемского сопосредственника, и с теми, которые взаимно будут назначены и снабжены полной мочью со стороны всех ныне воюющих держав, присутствовать или содействовать и помогать нашей медиацией и добрыми официями распорядлению и составлению всех и таких трактатов, конвенций или других актов, которые будут признаны нужными для совершения и окончательного соглашения всех распрей и для полного и совершенного примирения настоящих замешательств, также дать и поставить на оная нашу гарантию, если оная требована и прошена будет действительным ли внесением при подписании в качестве ручателя упомянутых трактатов, конвенций или других актов, или же особливим актом, который бы устанавливал и утверждал нашу упомянутую гарантию, обещая императорским нашим словом и верой за благо принять и верно исполнять все то, что вследствие сей полной мочи будет сделано, постановлено, обещано и подписано упомянутым князем Голицыным, равно как и доставить на то ратификацию нашу на соглашаемый срок. Во уверение чего мы сию нашу полную мочь собственноручно подписали и государственной нашей печатью утвердить повелели. Дано в резиденции нашей Санкт-Петербурге, 6 февраля от рождества Христова 1781-го, а государствовании нашего девятого на десятый год.

Надписи: Подлинная подписана собственной ее и. в. в-ва рукой тако: Екатерина

Контрассигнована Гр[аф] Н. Панин

Гр[аф] И. Остерман

АВВР, ф. Сношения России с Австрией, 1781 г., оп. 32/6, д. 632, лл. 36—37. Копия.